

Вовк О.И.
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ
В ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Эпоха конца XX – начала XXI в. характеризуется значительным подъемом исследовательского внимания к феномену биографии. Тенденции развития мирового гуманитарного знания – отход от объективистских моделей социально-культурного бытия, возрастание интереса к личностному фактору в истории и культуре как следствие антропологического поворота, курс на интеграцию накопленных человечеством знаний в единую систему – привели к тому, что биографическая

проблематика приобрела междисциплинарный статус и заняла устойчивую позицию в истории, социологии, психологии, философии и других науках.

Постепенное размывание границ предметных областей различных дисциплин стимулирует формирование новых и развитие уже известных синтетических научных жанров – например, психобиографии. Этот термин в наиболее широком смысле означает любой подход к биографии, подчеркивающий внутреннюю жизнь и психическое развитие личности. В узком смысле психобиографическое исследование подразумевает использование формализованной психологической теории в биографическом нарративе [16, с. 1388]. Помимо собственно биографии, данная дисциплина генетически связана с возникшей в середине XIX в. патографией [13, с. 741] – историей болезни выдающегося человека [8].

Датой появления первой психобиографии принято считать 1910 г., когда вышла в свет книга З. Фрейда «Леонардо да Винчи: воспоминание детства» [13, с. 742]. Принципиальное различие между двумя смежными направлениями состоит в том, что патография ставит во главу угла реальное либо мнимое (психическое или соматическое) заболевание изучаемой личности. Цель же психобиографии состоит в исследовании ее внутреннего мира, не касаясь патологических аспектов. Однако и до сегодняшнего дня провести демаркационную черту между указанными жанрами бывает весьма сложно.

Первые опыты в области пато- и психобиографистики были предприняты психиатрами и психологами, а потому не являлись собственно историческими [12, с. 31]. Тенденция начала изменяться лишь к середине XX в. в западной науке и к концу XX в. – в отечественной, когда стали появляться психобиографические работы, написанные профессиональными историками. За прошедшие сто лет трансформировались и принципы создания подобного рода исследований. Согласно W.T. Schultz, психобиография должна быть логически обоснованной и убедительной для читателя; комплексной, направленной на изображение нескольких аспектов деятельности личности; согласоваться с общими знаниями о человеческой психологии и биографическими сведениями о конкретной личности; использовать различные типы источников. Вместе с тем, психобиографу не следует объяснять характер и поведение взрослого человека только на основании истории его детства, а, следовательно, слишком увлекаться теорией психоанализа; использовать факты, полученные путем умозаключений исследователя и не имеющих прямых доказательств; игнорировать одни данные о личности в угоду другим [15, с. 7–10].

На протяжении длительного времени для зарубежной и отечественной историографии было характерно преимущественное внимание к личностям, оставившим после себя богатое письменное наследство – писателям, ученым и т.д. [см., напр., 2; 3; 10; 14 и др.]. Вместе с тем, в последнее время усиливается интерес пато- и психобиографов к деятелям, чье творческое наследие представлено невербальными (прежде всего, визуальными) образами [см., напр., 4; 11; 17 и др.]. Это означает, что в поле зрения исследователей стали попадать типы и виды источников, которые прежде не рассматривались как биографические. К подобным мы относим, прежде всего, изобразительные источники. Нельзя сказать, что этот тип источников ранее вовсе игнорировался биографами, однако внимание уделялось прежде всего иконографическому аспекту, т.е. определению достоверного изображения конкретной исторической личности или события, их распознаванию и датировке [9, с. 404].

Новые подходы к анализу биографий заставили пересмотреть прежние взгляды на роль изобразительных источников в биографическом исследовании. К настоящему времени у специалистов уже нет сомнения в том, что созданный человеком рисунок — это один из важнейших источников знаний о его психике, с помощью которого можно

извлечь множество качественной и количественной информации. В графическом изображении зафиксирован процесс отражения индивидом окружающего мира и его внутреннего состояния, содержания фантазий, воображения. Рисунок демонстрирует уровень образного развития и графической культуры, а также служит средством проникновения в сущность явлений, духовного освоения природы, воплощения философских, социальных, политических, этических и эстетических идей [7, с. 93].

Безусловно, изучение зрительных образов не означает отказа от использования традиционных для биографистики письменных повествовательных источников (литературных и публицистических произведений, источников личного происхождения и проч.) [5, с. 33]. Более того, сравнение данных источников разных типов и интеграция их в единую систему способны обогатить результаты исследования, сделать его более полным и точным. К примеру, автору монографии, посвященной жизни и деятельности И.Е. Репина, на основании анализа и хронологического сопоставления массивов эпистолярного и живописного наследия художника удалось сформулировать гипотезу относительно особенностей темперамента великого живописца, повлиявших на результаты его творческой деятельности и жизненного уклада в целом [4].

Следует отметить, что подобный анализ применим для исследования жизни не только профессиональных мастеров кисти. Примером тому может служить художественное творчество писателей, для которых зачастую рисунок становится графическим отображением потаенного замысла, еще не воплощенного в фонетическом знаке. Как известно, в рукописях А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского встречаются многочисленные зарисовки; В.А. Жуковский и М.Ю. Лермонтов писали любительские пейзажи [1, с. 55–56]; М.А. Волошин и Н.Н. Каразин были профессионалами одновременно в сферах литературы и изобразительного искусства, и этот ряд можно продолжить. Живописные и графические работы этих людей могут стать ценным источником для психобиографа. Заметим, что попытка медико-психологического анализа пушкинских рисунков была предпринята еще в начале XX в. [6], однако в целом указанный аспект в историографии представлен довольно скудно.

Таким образом, вовлечение изобразительных источников в практику психобиографического исследования имеет серьезный эвристический потенциал, нуждающийся в актуализации посредством проведения дальнейших практических и теоретико-методологических поисков в данном направлении.

1. Д'Амелия, А. Письмо и рисунок: альбомы А. М. Ремизова / А. д'Амелия // Slavica Tergestina. Художественный текст и его гео-культурные стратификации. – Bergamo, 1998. – С. 53–76.
2. Ващенко, В.В. Від самопрезентації до методології: психобіоісторіографічний вимір простору історіописання М. Грушевського / В.В. Ващенко. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2007. – 324 с.
3. Ващенко, В.В. Неврастенія: непрочитані історії (Деконструкція одного надпису – сеанс прочитання автомонографії М. Грушевського) / В.В. Ващенко. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2002. – 408 с.
4. Вовк, О.І. Духовно-релігійні пошуки І.Ю. Рєпін у дзеркалі сучасної біографістики / О.І. Вовк. – Харків: САГА, 2012. – 114 с.
5. Ляшко, С.М. Джерельна база біографічних досліджень: загальне і особливе / С.М. Ляшко // Українська біографістика = Biographistica Ukrainica: зб. наук. праць / НАН України, Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, Ін-т біографічних досліджень; редкол.: Т.І. Ківшар (гол. ред.) та ін. – К.: [б.в.], 2011. – Вип. 8. – С. 27–50.
6. Минц, Я.В. К патографии А.С. Пушкина / Я.В. Минц // Клинический архив гениальности и одаренности. – 1925. – №2. – С. 29–46.
7. Потемкина, О.Ф. Психологический анализ рисунка и текста / О.Ф. Потемкина, Е.В. Потемкина. – СПб.: Речь, 2006. – 524 с.
8. Сироткина, И.Е. Патография как жанр: критическое исследование / И.Е. Сироткина // Медицинская психология в России [Электронный ресурс]. – 2011. – №2. – Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php. – Дата доступа: 20.02.2013.

9. Цинковська, І.І. Проблеми іконографічного забезпечення української біографістики / І.І. Цинковська, Г.М. Юхимець // Бібліотека. Наука. Культура. Інформація: Наукові праці Нац. б-ки України ім. В.І. Вернадського / редкол.: О. С. Онищенко [та ін.]. – К.: [б.в.], 1998. – Вип. 1. – С. 403–408.
10. Bard, R.A. Charlotte Perkins Gilman: A Psychobiography / R.A. Bard. – New York: Adelphi University, 1996. – 163 p.
11. Bok, M.J. Was Hendrick ter Bruggen a Melancholic? / M.J. Bok // Journals of Netherlandish Art. – 2009. – Vol. 1. – Issue 1. – P. 15–19.
12. Ihanus, J. Psychological and Psychobiological Perspectives / J. Ihanus // Крыніцзнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. / рэдкал. У.Н. Сідарцоў [і інш.]. – Мн.: БГУ, 2009. – Вип. 5. – С. 31–37.
13. Kövary, Z. Psychobiography as a Method. The Revival of Studying Lives: New Perspectives in Personality and Creativity Research / Z. Kövary // Europe's Journal of Psychology. – №7(4). – 2011. – P. 739–777.
14. Piacentino, E. Poe's "The Black Cat" as Psychobiography: Some Reflections on the Narratological Dynamics / E. Piacentino // Studies in Short Fiction. – 1998. – №35. – P. 153–167.
15. Schultz, W.T. Introducing Psychobiography / W.T. Schultz. // The Handbook of Psychobiography / ed. by W.T. Schultz. – New York: Oxford University Press, 2005. – P. 3–18.
16. Shiner, L. Psychobiography / L. Shiner // The International Dictionary of Psychoanalysis. – Detroit: Thomson Gale, 2005. – P. 1388.
17. Survilate, D.R. Famous Artist and Mental Illnesses / D.R. Survilate // Gamian-Europe Newsletter. – Winter 2010–2011. – №39. – P. 11–13.